

СТЮАРТ ПИГОТТ

ДРУИДЫ

ПОЭТЫ, УЧЕННЫЕ,
ПРОРИЦАТЕЛИ

ЗАГАДКИ ДРЕВНИХ НАРОДОВ

Стюарт Пиготт
Друиды. Поэты,
ученые, прорицатели
Серия «Загадки древних народов»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=153323

Пиготт Стюарт. Друиды. Поэты, ученые, прорицатели / Пер. с англ.

Е.Ф. Левинной.: Центрполиграф; Москва; 2021

ISBN 978-5-9524-5496-5

Аннотация

Знаменитый ученый, профессор Стюарт Пиготт в своей блестящей книге изящно и остроумно представил все за и против сложного и очень запутанного вопроса о том, кто же такие были друиды древних кельтов. Знаток археологии и классических источников, Пиготт разоблачает лженаучные теории недобросовестных ученых.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

Содержание

Глава 1	4
Введение	4
Проблемы	9
Источники: археологические свидетельства	12
Иконографические и эпиграфические свидетельства	19
Свидетельства письменных источников	26
Классические тексты	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Стюарт Пиготт Друиды. Поэты, ученые, прорицатели

Глава 1 Источники и проблемы

Введение

Решивший посетить древний памятник Стоунхендж на Солсберийской равнине Южной Англии в день летнего солнцестояния может застать там поразительное зрелище. Если он окажется там 21 июня на восходе солнца или в полдень того же дня, то увидит группу угрюмых мужчин и женщин в белых одеяниях, которые совершают некие церемонии и ходят длинной процессией среди камней Стоунхенджа. Если он спросит, кто они, то услышит ответ: «Друиды».

Но если любознательный зритель не остановится на этом и захочет далее углубить свое понимание, и задастся вопросом: «Кто же они были, эти древние люди?» и «Какое значение имеет древнее место?», простого ответа он не полу-

чит. Потому что для точного ответа потребуется привлечь археологию и древнюю историю, литературные источники на греческом, латинском и кельтском языках, сделать обзор истории идей, изучить литературную и художественную моду нескольких прошлых столетий и современные культурные течения. Голову его затуманят невероятные и часто нелепые измышления и рассуждения. Данная книга попытается дать разумное и трезвое рассмотрение этого предмета, которому давно уготовано уютное местечко среди утех неразумия.

Возможно, следует задуматься над тем, откуда взялась такая неуверенность в, казалось бы, давно изученном предмете. В сознании современного англичанина друиды прочно включены в его историческое наследие вместе с Великой хартией и «круглоголовыми» Кромвеля. Фоном им служат туманные виды Хэмптон-Корта, Стоунхенджа и Чатсворта. Более искушенные могут вспомнить то, что писал о них Юлий Цезарь. Менее критически мыслящие, вероятно, примут теорию о непрерывной цепи существования этого жречества с древнейших времен до наших дней. Как все прошлое, они интересуют большинство современников лишь постольку-поскольку. Их принимают бездумно, как часть истории.

На самом деле друиды представляют особый интерес, как явление, потому что наше сегодняшнее знание о них есть конечный продукт длинной повести, в которой на редкость занимательно и ярко запечатлелись из века в век постоянно

повторяющиеся взгляды, чувства, образы и убеждения, связанные с некоторыми вечными проблемами. Проблемы эти занимали многих мыслителей: от Гесиода, жившего в VIII веке до н. э., до современных писателей-фантастов по обе стороны Атлантики. Кроме археологических исследований раннего железного века в Европе, а также изучения природы языческих верований кельтов, мы рассмотрим в этой книге и золотой век, и мифы о благородном дикаре и первородном грехе, естественную, природную мудрость и действия далекого Высшего Разума.

История друидов частично основывается на конкретных свидетельствах и их комментариях, которые, в свою очередь, могут быть сведены воедино с тем, что мы знаем или полагаем, что знаем, о древних кельтских верованиях из литературных источников и иконографии, а также с тем, что мы можем предположить относительно их ритуалов и церемоний по археологическим находкам. Привлекая эту группу сведений, мы попытаемся воссоздать образ друидов как часть доисторического кельтского жречества. Такое понимание внутренне не противоречиво и вполне достоверно, но никак не может быть названо возвышенным или романтическим. С другой стороны, именно такое понимание и оценка окружающего их мира как дикарского, почерпнутые из классических текстов, оказываются неизбежно окрашены современным образом мысли и современными философскими идеями. То есть мы вступаем в область истории идей и вынужде-

ны стараться отделить концепции и мотивы, невольно приписанные друидам теми, кто писал о них впервые или стремился сделать удобным рупором для провозглашения своих собственных философских концепций.

Взявшись оценивать открытия нашего доисторического прошлого, начиная с Возрождения и далее, в том числе случайное воскрешение друидов, мы видим, что это было сделано людьми, которые сами были глубоко проникнуты философией и понятиями греческих и римских мыслителей, впервые отметивших существование загадочных языческих жрецов. То есть довольно долго их оценка была конгениальна взглядам классических философов, а когда мода сменилась с классической на романтическую, друиды тихо и ненавязчиво обрели новую жизнь в современной западной мысли. На протяжении почти двух тысяч лет они удерживают свое место в качестве языческих мудрецов, первобытных христиан, поборников свободы, хранителей тайной мудрости. Одной из наших главных задач было распутать нити этого клубка и задать себе ясные вопросы относительно некоторых издревле укрепившихся представлений.

С самого начала было бы резонно задаться одним вопросом: почему жречество, внутри варварской доримской кельтской религии означенное несколькими обрывочными заметками греческих и римских авторов, мало или вообще неизвестных, оказалось не забытым на протяжении двух тысяч лет, несмотря на официальный запрет их властями Ри-

ма? Это настолько странно само по себе, что требует отдельного расследования. Но есть и другие причины, делающие подобное занятие увлекательным интеллектуальным приключением: это проблемы, неотъемлемые от самой природы друидизма.

Проблемы

Как я уже отмечал, наши проблемы распадаются на две главные группы: те, что касаются фактического базиса наших знаний о друидах, и те, что связаны с невольной или намеренной идеализацией друидов, созданием мифов о них. Используя философский подход Р.Д. Коллингвуда к нашим знаниям о прошлом человечества, мы можем терминологически выделить «собственно прошлое», к которому апеллируют все историки, но полного знания которого им достичь никогда не удастся именно потому, что оно прошло. Второе, с чем они имеют дело, то, что они наблюдают и реконструируют: это «как бы прошлое». Знание о нем ограничено доступными свидетельствами и талантом или бесталанностью этих ученых, а также их окружением и образованием. Однако самым опасным является реконструкция, вернее, конструирование «желаемого прошлого», то есть предвзятый отбор свидетельств, подгонка их под заданную интеллектуальную или эмоциональную схему. Именно так обстоит дело с друидами: у нас имеются «собственно друиды», которых мы никогда не узнаем по-настоящему, но по поводу этого вопроса существует множество литературных и археологических сведений, формирующих представление о «друидах, как бы известных». Кроме того, со времен Античности продолжается процесс мифотворчества, создания «же-

лаемого» образа друидов. Таким образом, наши две группы проблем фактически являются результатом объективного и субъективного подходов.

Посему нам приходится работать с тремя типами источников. На первом месте, естественно, археологические свидетельства из погребений и раскопок или же картины культовых сцен и персонажей в изображениях кельтского и римско-кельтского искусства. Предположения о церемониях и ритуалах могут быть выведены из отчетов о раскопках погребений и святилищ. Иконография может быть привязана к литературной традиции эпиграфическим путем, то есть изучением надписей, связанных с культовыми отправлениями. На втором месте стоят свидетельства греческих и римских писателей о кельтах, их обычаях и верованиях, а также о той роли, которую играла в их обществе жреческая элита, иногда называемая друидами. Ключом к этим текстам являются сохранившиеся фрагменты устной кельтской традиции, которую донесли до наших времен христианские ученые и писцы. Наконец, у нас имеются идеи друидизма, проистекающие из рассуждений и размышлений антиквариев XVII и XVIII веков, чьи теории и домыслы быстро стали частью материала, всерьез воспринятого не только учеными, но и творческими людьми, писателями и художниками, и наконец превратились в фольклор легковерных.

Этот тройственный характер свидетельств (такой же двусмысленный и запутанный, как положения кельтской триа-

ды) явно требует в высшей степени осторожного обращения с источниками. Однако то, что для оценки сведений приходится прибегать к нескольким дисциплинам, придает исследованию об этом вопросе особую притягательность и бросает вызов ученым, а некоторых, осторожных, даже отпугивает. Однако это не отпугнуло сэра Томаса Кендрика, написавшего в 1927 году единственный общий обзор проблемы, который до сих пор заслуживает серьезнейшего внимания и, более того, выгодно отличается от других, несмотря на целое поколение активной работы в этой области. Исследование миссис Чедвик, опубликованное в 1966 году, касается лишь работ классических авторов. Я полагаю, однако, что в науке еще есть место для рассмотрения комплекса проблем, занимавших блестящий ум сэра Кендрика. И если моя книга каждой своей страницей сможет доказать благодарность ему, я лелею надежду, что ее сочтут интересной, хотя бы в качестве полезного примечания к его «Друидам».

Источники: археологические свидетельства

С конца 1920-х годов именно археология стала основным источником новых сведений о друидах. За последние годы новые раскопки и новые интерпретации значительно расширили наши знания о предыстории Европы, и, хотя пробелы в них все еще плачевно велики и постоянно напоминают о себе, а глубина нашего невежества во многих вопросах бесконечна, даже самый пессимистично настроенный историк должен будет признать, что сейчас появилась возможность создания некой связной и последовательной схемы. Однако прежде чем мы перейдем к рассмотрению археологических свидетельств, следует критически обозреть то, что уже имеется по этому вопросу сначала в общем виде, а затем в контексте нашего конкретного исследования.

В свое время была дискуссия относительно природы археологических находок прошлых лет. Однако для многих абстрактные размышления о происхождении и характере науки, которой они занимаются, казались не только тяжкими, но смущающими и даже ненужными. Так что среди профессиональных археологов этот вопрос не получил заслуженного внимания, а широкая публика вообще не видела в этом проблемы. Но это вопрос фундаментальный, особенно, как мы увидим в дальнейшем, когда дело касается друидов.

Мы принципиально разделили «друидов, как бы известных» нам от «друидов, какими мы бы хотели их видеть», то есть «желаемых друидов». С одной стороны, картина, основанная на логических выводах, с другой – подогнанная под заданную идею. Последнее время историков стал волновать вопрос о природе «факта в истории». Многие ученые ощутили ошибочность точки зрения о том, что «исторические факты» существуют независимо от историков и их интерпретаций. Еще более обманчивыми становятся привычные исторические ярлыки, такие, как, например, «Французская революция», которые используются так, словно это некий независимый агент, способный действовать самостоятельно: «она пробудилась и совершила» то или другое. Археологи обязаны относиться настороженно к таким проблемам и помнить, что научное описание «фактов» есть «наблюдение данных, связанных с прошлым или настоящим».

«Сырье предыстории не люди, но вещи», – сформулировал научный подход Аткинсон. Археологические свидетельства сами по себе есть предметы, случайно сохранившиеся и выжившие остатки человеческой культуры. Они становятся археологическим фактом после того, как археологи увидели и опознали их, как таковые. Из этих фактов можно сделать прямые выводы, которые будут справедливы, если, как выразилась Маргарет Смит, «все свидетельства могут быть подтверждены эмпирически, и к ним ничего не было добавлено», то есть выводы есть «лишь парафраз эмпирических

наблюдений». Так происходит, когда используются лишь археологические свидетельства, то, что Хаукс назвал «свободной от текста» ситуацией, в противовес «поддержанной текстом». При изучении друидов мы связаны с ситуацией, «поддержанной текстом», и потому, работая с археологическими свидетельствами, не должны использовать их логически некорректно. Как мы увидим далее, чтобы установить корреляцию между друидами и археологическими находками, которые могут быть им приписаны, требуется не выводы делать, а домысливать.

Используя строго археологические, «свободные от текстов» свидетельства в стремлении передать их привычными терминами, характеризующими человеческую деятельность, мы должны понимать, что ценная информация, заключенная в них, строго ограничена. Хаукс предложил четырехступенчатую шкалу восходящей трудности и нисходящей достоверности археологических интерпретаций, начиная с технологии, на которой должны основываться здравые выводы, и далее более сложной вещественной экономики, которую все же можно оценить с достаточной степенью надежности. Следующая ступень – выводы о социальной структуре прошлого – становится еще более сложной и неопределенной: большое отдельно стоящее строение на плане первобытного городища называют жилищем вождя, хотя его с равным успехом можно счесть святилищем, хижинкой для общих собраний, амбаром или ни тем, ни другим и ни третьим. Ниже, на страницах

этой книги, мы столкнемся и с этой проблемой.

А о чем можно заявить с уверенностью, когда дело касается религии и духовной жизни народа, кроме туманных фраз, не имеющих особого смысла? Как сказал Уилер: «Археолог способен найти бочку, но просмотреть Диогена». Маргарет Смит прокомментировала это замечание и проблемы «хижины вождя» следующим образом: «Ждать от археолога, чтобы он сделал логический переход от хижины к вождю и от бочки к Диогену, все равно что требовать от него логической алхимии... нужно признать, что нет разумной логической связи между некоторыми аспектами деятельности человека и свидетельствами, оставшимися на долю археологов». И менее всего, должны добавить мы, этого можно ожидать в нашем случае, потому что тут мы имеем дело с религией, жречеством, верованиями и ритуалами.

Но должны ли мы принять полностью такую пораженческую точку зрения относительно археологических свидетельств о религиозных отправлениях обществ, не имевших письменности? Изобилие статей и книг о первобытных религиях доказывает, что многие категорически с этим не согласны. Однако именно это вынуждает других скептически проверять и перепроверять основания наших знаний. При ближайшем рассмотрении оказывается, что утверждения ряда работ берут начало не в научных выводах, а в домыслах, которые, разумеется, они таковыми не считают. Так, например, относительно палеолита пишут: «Современный историк на-

чинает описание этого периода с допущения того, что ему отлично известны заботы и тревоги людей палеолита: охота, магия, тотемизм и тому подобное. С этой точки зрения он интерпретирует искусство палеолита, привлекая этнографические параллели... не только не систематически... но касающиеся сильно отличающихся друг от друга племен». Вследствие этих частых неподтверждаемых допущений, которые представляют нам, как выводы из археологических свидетельств, мы должны быть крайне осторожны.

«Археология не может иметь дело с мифами, – писал Фокс, встревоженный этой проблемой, – но она может... отыскать, проанализировать и оценить ритуал». (Если под ритуалом понимать «предписанный порядок отправления религиозных или иных торжественных служб».) «При этом должно быть ясно, – пишет он далее, – что только некоторые действия, связанные с этими службами, оставляют материальные следы». Другими словами, среди следов человеческой деятельности, представляемых нам археологией, есть такие, которые можно выделить и охарактеризовать как иррациональные и не имеющие практического применения: это и есть акты, связанные с религией. Многие археологические свидетельства ритуалов, по Фоксу, связаны с погребениями, но религии обычно не разграничивают места для погребения и святилища. Архитектура, в широком смысле, все здания, какими бы временными и примитивными они ни были, есть трехмерное более-менее долговеч-

ное строение для какой-то формы человеческой активности, статичной или мобильной. А в число человеческой активности, как мы уже указывали, следует включать и ритуальные церемонии. Они требуют для себя специально организованных мест, имеющих формально планируемую структуру, пространственные элементы которой связаны в определенную композицию. Святилища, храмы, погребения и священные ограды должны быть различимы в археологических свидетельствах, иногда явно, иногда по разумным аналогиям и допущениям, но честно и непредвзято, без попыток «логической алхимии».

Если нам удастся отождествить подобные структуры с археологическими ассоциациями, хронологическим положением и географическим распространением соответствующим местам кельтской материальной культуры, разумно будет предположить – хотя бы во избежание ненужного умножения гипотез, – что они представляют собой неотъемлемую часть кельтской жизни. Мы можем связать данное святилище с именем божества, если имеется какое-то эпиграфическое свидетельство в виде надписи, дающее археологической находке текстовую поддержку. Однако поскольку до сих пор не обнаружено никаких дохристианских надписей, в которых фигурировало бы слово «друид», любая связь их с данным местом археологических раскопок может быть лишь неподтвержденным допущением при нынешнем уровне наших знаний.

Итак, у нас имеется некоторое число текстуально неподтвержденных свидетельств мест отправления кельтских религиозных обрядов и наш вывод. Что эти свидетельства действительно относятся к кельтам, подкрепляется документально. К счастью, об этой культуре и этом периоде в археологии имеются частично подтверждающие их письменные источники. Мы действительно можем иногда что-то сказать о том, каким образом и когда использовались некоторые места церемоний. Но мы всегда должны помнить, что на все археологические вопросы, начинающиеся со слова «Почему?..», есть короткий, простой и абсолютно корректный ответ: «Мы не знаем и, вероятно, никогда не узнаем». Но сказавший это Аткинсон также верно напоминает нам, что мы не имеем права «укрываться в самодовольном невежестве, взывая к строгим канонам археологических свидетельств, когда перед ними ставят вполне законные вопросы такого рода». Мы должны с предельной четкостью заявить, что, делая попытку ответить на эти вопросы, «предаемся рассуждениям по поводу предметов, о которых нет никакой возможности узнать что-либо наверняка».

Иконографические и эпиграфические свидетельства

Относительно религиозных отправлений нам следует прежде всего признать, что сама их природа не предполагает, что их можно обнаружить только средствами археологии, без помощи и поддержки хоть каких-то письменных свидетельств, например надписей. Но как мы уже упоминали, ни одна достоверно дохристианская надпись не включает в себя слово «друид», даже в возможных греческих, римских или кельтских формах. Так что привязка друидов к какому-либо полювому памятнику, скульптуре или посвящению остается в области допущений. Все, что могут предоставить нам не поддержанные текстами археологические свидетельства, это некий скелет кельтской материальной культуры данного периода и области, в которых классические писатели отмечали присутствие друидизма. Переходным мостиком между этими свидетельствами и названными литературными источниками являются надписи-посвящения кельтским божествам, иногда предстающими в римском обличье, а также изображения этих божеств с эпиграфической идентификацией или без оной. Рассмотрим же подробнее характер этих иконографических свидетельств, составляющих ценное приложение к археологии.

Они могут быть поделены на два класса: те, что прямо или

косвенно сопровождаются надписями, и те, что таковых не имеют. А именно «поддержанные текстами» и «не поддерживаемые». Если какое-то божество, один или несколько раз названное в посвячительной надписи, имеет некие заметные атрибуты (например, рога у человеческой фигуры, или три головы, или держит в руках колесо, или является животным повторяющимся, вроде вепря, или группой животных, вроде быка с тремя журавлями), можно достаточно уверенно полагать, что и неподписанные изображения его имеют то же имя. Впрочем, в этом не следует заходить слишком далеко, утверждая, в частности, что все рогатые боги или с оленьими рогами это Кернуннос. Подсчет, проведенный несколько лет назад, показал, что из надписей были извлечены имена 374 кельтских божеств, причем 305 встречались лишь однажды и только четыре или пять из них от 20 до 30 раз. Еще сильнее вопрос запутывает то обстоятельство, что варварские и греко-римские божества могли иметь признаки нескольких кельтских божеств. Одних имен у кельтских богов, связанных одним родом деятельности с Марсом, было 69. Самым плодотворным подходом к этой проблеме является выделение иконографических типов и рассмотрение их в контексте географического распространения. Таким образом, устанавливается существование местных культов и культовых центров.

Имеющиеся у нас иконографические свидетельства кельтской религии и почти все надписи относятся к самой позд-

ней фазе, то есть к тому периоду, когда Галлия и Британия вошли в состав Римской империи. Скульптуры и другие изображения людей и животных, выполненные в кельтской художественной традиции, изредка встречались примерно с VI века до н. э., но лишь под действием прямого римского влияния такие скульптуры, обычно каменные, стали повсеместными. Кельтский мир выражал себя в основном в римских схемах, но местные художественные приемы служили для них основой. И в римских именах местных божеств, и в вульгарной, просторечной латыни надписей можно видеть влияние кельтского языка.

Но поскольку, даже объединив свидетельства из всех возможных источников, мы получим лишь туманные и обрывочные сведения о кельтской религии, до сегодняшнего дня невозможно оценить первоначальное значение тех или иных скульптур из камня, металла или дерева, составляющих наш иконографический запас. Бесплезно было бы думать, что мы в состоянии проникнуть в психологию и эмоциональную сферу ранних кельтов. Мы должны избегать этой интеллектуальной ловушки так же, как проецирования на римско-кельтские скульптуры нашего художественного восприятия. Писать о «суровом дикарском символизме» или «варварской красоте и экспрессии», приписывать кельтским скульпторам «мощь передачи внутреннего огня... и... отрешенной безмятежности неземной красоты», описывать одну из скульптур как портрет «взрослого мужчины, практико-

вавшего утонченный аскетизм», или утверждать относительно другой, что «тяжелые геометрически выполненные глаза и рот придают его лику выражение божественности, осознав которую этот дикарь отрешился от мира и опыта человеческого»... говорить все это – не означает продвигать наши знание и понимание. Все, чего добились такие писатели, это обнародовали свои личные мнения, выражающие их личные эстетические пристрастия, а также принятые эстетические стандарты общества, в котором формировались их личные вкусы. Тот факт, что кому-то из нас рассматриваемые объекты кажутся трогательными или пугающими, выражающими благородство или восторженность, не должен приводить нас к необоснованным заключениям о том, что на дикарей железного века они производили то же самое впечатление. В конце концов, никто ведь не станет предполагать, что лицезрение современных ритуальных масок из Африки или Новой Гвинеи, Аляски и Новых Гебридов без знания религии и ее обрядов, которым они служат, позволит нам выразить в терминах психологии, зачем они были сделаны и как использовались.

Невозможно делать выводы о религиозных верованиях только на основании иконографических свидетельств. Изображения и надписи наводят на мысль о некоторой связи между кельтскими божествами и животными – Кернунноса, человека с рогами оленя, Эпоны, воплощенной в лошади, вепря Бако и так далее. Но прежде чем мы начнем рассуждать,

возможно, нам следует помедлить и задуматься о раннехристианском мире, о том, что вообразили бы себе мы, созерцая символы евангелистов: орла, тельца, овна и льва, таких, какими предстают они на страницах евангелия Дарроу, не имея литературных объяснений. Помогли ли бы нам сопровождающие их краткие подписи: «изображение льва» или «изображение орла».

Котел из Гундеструпа, покрытый сложными изображениями различных сцен, является для нас проблемой того же порядка, какой стал бы любой серебряный предмет церковной утвари, украшенный картинками, надписями и символами, если бы мы не были вооружены знанием истории, мифологии, агиографии. Мы ничего бы не поняли из этого о природе христианской веры.

С другой стороны, иконографические данные могут быть использованы косвенно. Надписи-посвящения, сопровождаемые изображениями или без оных, можно было бы применить для определения географических границ местных культов, но их распределение неточно и зависит в первую очередь от традиции написания, принятой в данной местности, а во вторую – от наличия местного камня, а не каких-либо недолговечных материалов. Имеются и другие факторы социальной географии, вроде тех, что следуют из скопления местных надписей в римской Британии вблизи стены Адриана. Нам не следует забывать, что практически все они на греческом и латинском языках, и каждая в какой-то степени является

переводом оригинального устного кельтского религиозного утверждения. Мы имеем дело с ситуацией, которую часто называют «условной грамотностью», когда умение писать ограничено, то есть им обладают немногие, и применяется оно лишь для некоторых целей, а потому выражается, за крайне редкими исключениями, лишь на латинском языке. Джексон, говоря о римской Британии, сформулировал свое мнение о кельтском (бриттском) языке таким образом: «Это не был письменный язык... единственным языком письма была латынь. Никому не пришло бы в голову писать на бриттском, да они и не знали бы, как это сделать... В римской Британии те, кто получил достаточное образование, чтобы знать алфавит, владели некоторым знанием латыни, а те, кто не владел, не писали вовсе». То же самое относится к римской Галлии, где, как написал Уотмаф, «не было принято писать что-либо до появления латинского языка, а с ним и искусства письма. Поэтому, когда здешние люди стали писать, они делали это, за редчайшими исключениями, на латыни, используя латинский алфавит». Однако на юге Галлии встречается некоторое число надписей, выполненных греческими буквами. Неудивительно поэтому видеть разноречия в написании имен и другие несоответствия, ведь их никогда не писали на родном языке: в кельтском мире, как и в остальной варварской Европе, существовала лишь устная традиция, утвержденная временем и принятая обществом, для сохранения и передачи следующим поколениям законов, генеалогии, ис-

торий, песен и легенд. Далее мы увидим, что друиды были особенно озабочены именно сохранением и продолжением этого древнего обычая, который не требовал использования письма.

Свидетельства письменных источников

Самой важной и самой трудной группой источников являются письменные документы, которые можно разделить на два класса. В первый мы должны поместить свидетельства греческих и римских писателей относительно кельтов, их религии и частично друидах. Свидетельства классиков касаются ограниченных областей европейского континента и Британии, а не всего кельтского мира. Сведения эти обрывочны и скудны, часто вторичны, и охватывают период с начала II века до н. э. до IV века н. э. Ко второму классу относятся ранние ирландские саги о героях и легенды, в которых действуют друиды. Они сохранялись в устной передаче до V века н. э. и в раннесредневековом переложении. Ссылки на друидов и упоминания о них в поздней кельтской литературе, а также ирландской и валлийской, не могут всерьез рассматриваться как достоверные, поскольку тема эта, по сути своей, относится к дохристианской эпохе и является частью истории первобытной Европы.

Рассматривая источники на греческом, латинском и староирландском, мы сталкиваемся с проблемой, которую ставят перед нами все дошедшие до нас письменные свидетельства о прошлом. Они связаны со временем, в которое были сочинены, и тем, кому адресованы. То есть их читатели на-

столько отделены от нас временем и культурой, что понять их мы можем, лишь совершив величайшее умственное усилие. От нас потребуется и огромная работа по перестройке сознания, которое может оказаться просто невозможным в достаточной мере. Ошибочно думать, что люди не являются детьми своего века, они проникнуты его понятиями и ограничены влияниями современной им культуры. Личность находится в рамках своего окружения, происхождения, социального положения, интеллекта, темперамента, на ней лежит печать принадлежности к определенной идеологии. Даже в условиях сравнительно однородной западноевропейской культуры мы вряд ли можем ожидать одинакового мировосприятия от престарелого католического священника из благородного семейства и молодого коммуниста из рабочих, от американского магната или бывшего племенного вождя, ныне руководителя какой-нибудь нарождающейся африканской нации. Рассматривая наши свидетельства, мы должны сначала определить контекст и культуру их создателей и читателей, а также идеологическую и социальную структуру, частью которой они являлись. Лишь после этого мы можем переходить собственно к текстам. К счастью, это вполне достижимо для первой группы наших источников, классических текстов, и многое проясняет. Но если такое соприкосновение с образованными и умеющими великолепно себя выражать обществами Греции и Рима возможно, то как можем мы питать надежду проникнуть в дикарскую менталь-

ность кельтов, чьи жрецы, друиды, совершали жертвоприношения, гадали и предсказывали, чьи барды пели хвалебные песни вождям? Кельтов, внимавших этим героическим сагам на просторах ранней Ирландии? Утверждать подобное – все равно что рассчитывать понять общую ситуацию, сочувственно воспринимая речи и мысли вождя патанов на племенном пиру где-нибудь на северо-западной границе Индии. Подобная аналогия лишь подчеркивает трудность вопроса, но едва ли способствует решению проблемы.

Классические тексты

Говоря о классических источниках, мы не должны забывать, что ученые и образованные люди древности не могли и не хотели отвлеченно и беспристрастно оценивать дикарские религиозные обряды и самих варваров, являющиеся предметом нашего исследования. Такой подход выработался на протяжении многих лет развития западной традиции. Не желая ни в коей мере принизить высокую интеллектуальную культуру, которую представляют греческие и римские писатели, их высокую способность и навыки в абстрактном мышлении, в делах практических, утонченную проникновенность и силу их прозы и поэзии, тем не менее было бы справедливо отметить, что переносить их понимание мира на нынешнее, приравнивать, отождествлять их мировосприятие с современным образом мысли было бы опасной ошибкой, несмотря на кажущееся сходство. Мир Средиземноморья с V века до н. э. по первые века н. э. категорически не был нашим миром, а писатели, творения которых мы рассматриваем, безусловно, были его детьми.

Их воспитание и присущие им способы мышления и чувствования не позволяли им относиться к жертвоприношениям, ворожбе, знамениям, предсказаниям и магическим ритуалам как к явлениям чуждым и странным. Все вышеперечисленное являлось неотъемлемой частью их собственной жиз-

ни, они не делили окружающее на священное и мирское. Они набожно приносили жертвы. Они были глубоко суеверны и все еще затронуты их варварским прошлым, хоть и стеснялись этого. В Риме, еще в III веке н. э., происходили ритуальные убийства мужчин и женщин, которых заживо хоронили на Бычьем рынке. Не раз в году на улицах можно было наблюдать странные представления, когда салии, жрецы бога Марса, скакали и дурачились, били в древние щиты и пели магические песнопения на древнем языке или когда обнаженные юноши, вооружившись кнутами, вырезанными из шкур коз и собак, только что принесенных в жертву в Луперкальской пещере, пробегая мимо девушек, хлестали их этими кнутами, дабы те были плодовиты. Неподалеку от Рима, в роще у озера Неми, обитал Лесной Царь, жрец и убийца, который настороженно поджидал своего преемника, готовящегося неожиданно убить его в свою очередь. Даже такая совершенная военная машина, как римская армия, не отправлялась в поход без клеток со священными курами, чтобы авгуры могли предсказывать будущее по зерну, сыплющемуся из клювов. В Древнем мире религиозные церемонии кельтов и других варваров были, возможно, самыми легко доступными действиями для понимания их соседей.

А в целом разница между ними была скорее в качестве, чем в типе. Важность соблюдения ритуалов в жизни кельтов отмечалась часто, но никогда в этих свидетельствах не было сожаления или упрека. Вскоре обнаружилось, что кельтские

божества имеют соответствующие эквиваленты в классическом пантеоне, а гадания авгуров и кельтских жрецов могут быть восприняты равно, с доверием и даже почтительным вниманием. В период раннехристианского противостояния языческим противникам и в поздние столетия, когда открыто признавалась сверхъестественная сила языческих культов, ее приписывали силам Тьмы. Так что в древнем языческом мире не только принимали законность чужой веры, но и антагонизм ограничивался рамками осуждения лишь тех действий, которые были отвратительны этическим правилам цивилизованности. Если теперь мы зададим вопрос о кельтской религии знаменитой фразой, высказанной Гиббоном по другому поводу: «какая же новая провокация могла вывести из себя мирное равнодушие Античности?», ответом будет: человеческие жертвоприношения. Именно эта практика превыше всех других была отвратительна цивилизованным народам в конце эры язычества. Предавалось проклятию также все, что имело отношение к колдовству и магии. Возможно, это было связано с верой людей в пугающую их злую силу. Осуждение магии у греков, суровые законы о подавлении ее в Риме существовали со II века н. э. Непривычным, хотя и вряд ли презируемым понятием в Греции и Риме, было существование особого класса жрецов и отсутствие такого глубоко укоренившегося у народов Средиземноморья и Востока символа веры, как монументальный храм с крышей и изображениями богов. Но этим признакам дикарства

согласно классическим авторам противопоставлялись концепции, которые справедливо можно было бы включить в античное понятие «философия». Это было не только привычным для Древнего мира, но имело большое сходство с греческими системами рассуждения и являлось привлекательным в теоретическом смысле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.